

379. НК(с) 71(с 126л)
Г-72

ОТЧЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
РУССКОГО МУЗЕЯ

за 1925 г.

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

ЛЕНИНГРАД

1926

Z 1769

K

✓

379.44(с)71(с126л)
Г-72

ИЗ КНИГ
С.И. Григорова

7М
087

ОТЧЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

за 1925 г.

*кр
мет*

ПРОВЕРЕНО

ЛЕНИНГРАД
1926

16 ОКТ 2009

БИБЛИОТЕКА
ДМ
Инд. № 469

~~БИБЛИОТЕКА
Инд. № 469~~

Напечатано по распоряжению Государственного Русского Музея.

Ученый Секретарь *И. Черепнин.*

Ленинградский Гублит № 19332 Тираж 750 экз.

Гос. тип. им. Ивана Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11.

I.

ОБЩИЙ ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО
МУЗЕЯ В 1925 Г. 1.

Сложность задач и структуры является одним из основных свойств современного большого центрального музея. Прошло то время, когда исключительной задачей музея ставились накопление и хранение музейных ценностей, обычно вне связи с требованиями и условиями современной жизни, когда, поэтому, жизнь и музей привыкли противопоставлять, и не без основания, как понятия взаимно исключающие, когда с музеем часто ассоциировалось представление об умирании вещей. И, действительно, нередко можно было наблюдать, что вещь, сделавшись музейным объектом, попав в новую для нее среду, точно утрачивала свое подлинное бытие, умирала.

Современный музей стремится преодолеть те искусственные условия, в какие попадает в музей вещь, оторванная от бытовой среды. Умирая для прежней жизни, вещь должна возродиться для иной жизни в музее. Отсюда напряженные искания музеев в области экспозиции.

Осложнились приемы научного определения вещей. Оно сменилось во многих случаях углубленным выяснением существа вещи, ее природной среды, связи с культурными мирами, к каким она имела отношение, места и значения ее в эволюционном процессе, в сложных условиях экономических, социальных и политических соотношений. Научно-исследовательская работа стала органической частью музейной работы, и в наше время, время особого интереса к памятникам материальной культуры, роль в общей научно-исследовательской работе музеев, как средоточия таких памятников, и научных музейных работников неизбежно будет расти, расширяться и углубляться.

В музеях СССР, в отличие от иностранных, за последние годы особое значение получила культурно-просветительная работа. В рабоче-крестьянском государстве у рабочего, с изменением его социального и экономического положения, появились новые потребности, усилилось стремление к знанию, недостаток в котором он испытывает в своей профессиональной и общественной работе. Музеи заняли особо видное место среди тех источников, где рабочий ищет удовлетворения своей потребности

¹ Сообщение Ученого Секретаря на годичном заседании Совета Музея.

в знании. Богатство материалов, их доступность, наглядность, возможность самостоятельной работы вызвали стихийный рост числа организованных рабочих экскурсий в музеи. На ряду с этим также растет число посетителей музеев учащимися, стоящее в связи с изменением методов преподавания.

Существенно изменился для больших центральных музеев и характер их обязанностей—собрания и хранения коллекций. Собрание перестало носить характер по преимуществу приобретения предлагаемых музеем вещей и приняло формы активной, строго продуманной, планомерно осуществляемой собирательской работы, находящей для себя наиболее яркое выражение в научно-исследовательских экспедициях и командировках. Хранение прежде всего и больше всего уделяет внимания напряженной заботе об охране здоровья музейных вещей, предупреждению их заболеваний, лечению их болезней. Хранение приняло формы методической работы, чрезвычайно сложной, требующей громадного количества специальных знаний по органической и неорганической химии, микробиологии, энтомологии, технологии, токсикологии и технике реставрации.

В рамках настоящего сообщения, конечно, не представляется возможным с достаточной полнотой осветить деятельность Государственного Русского Музея за истекший год во всех этих направлениях. Представляется возможным остановиться лишь на некоторых сторонах деятельности Музея, преимущественно внешних проявлениях его работы.

В Художественном Отделе много внимания было уделено работе по переустройству постоянной выставки.

В Отделении древне-русского искусства в течение отчетного года произведена, на основе принципов хронологической последовательности и эволюции художественных форм и стилей, новая развеска памятников византийского, итало-греческого и поздне-греческого искусства. Начата и продолжается работа по перевеске, на основе тех же принципов, памятников русской живописи и прикладного искусства XIII—XV вв. Произведена частичная перевеска памятников живописи XVII века, в связи с новыми поступлениями произведений Симона Ушакова.

В Отделении нового русского искусства, в развитие принятого в 1922 г. при переустройстве постоянной выставки плана, продолжались работы по ее пополнению и усовершенствованию, путем заполнения пробелов и замены одних произведений, характеризующих эпоху или мастера, другими, более совершенными в художественном отношении или более ценными по историческому значению. Соответственно этому помещен ряд картин К. Лебедева, Лемоха, Морозова, Прянишникова, Корина, Пимоненко, Левитана, Нестерова, Бакста, Серова, Сомова, Кустодиева, Рериха, Сапунова, Грабаря, К. Коровина, Савинова, Филонова, Никитина, Матвеева, Дяльпера, Каравакка, Лагренэ, Перезинотти, Гроота, Торелли, Щеточникова и Макарова. Из скульптурных произведений вновь установлены 4 работы Шубина, Козловского и Мартоса. Место, освободившееся после перенесения картин Репина на выставку, использовано для временной раз-

вески картин передвижников: В. Маковского, Журавлева, Ярошенко, Наумова, Мясоедова, Казакова, М. Клодта, Мешкова, Савицкого, Касаткина.

В течение 1925 года Художественным Отделом Русского Музея были устроены две временные выставки произведений И. Е. Репина и Ф. С. Рокотова.

Юбилейная выставка произведений И. Е. Репина связана с 80-летием со дня его рождения. Она устроена, по соглашению с Государственной Третьяковской Галереей, почти одновременно с такой же выставкой в Москве.

В основу выставки положено богатое собрание произведений Репина, принадлежащих Русскому Музею. Оно было дополнено рядом его произведений, временно предоставленных Музею другими учреждениями: Академией Наук, Музеем революции, Пушкинским Домом, Толстовским Музеем, Домом Медицинского Работника, Обществом художников имени Куинджи, 33 Трудовой школой, А. П. Боткиной, И. Н. Бродским, А. А. Добруцким, И. Я. Гиндбург, Б. Н. Молаас, О. М. Павловым, Е. П. Тархановой, А. В. Шуппе, В. А. Фроловым.

На Репинской выставке в Русском Музее было собрано 178 его произведений: живописных, скульптуры, рисунков и акварелей, офортов, литографий, начиная с рисунков 1863 и 1864 гг. и картины «Приготовление к экзамену», впервые появившейся на Академической выставке 1868 г., и оканчивая работами 1917 г.

Впервые творчество художника было представлено с такой исчерпывающей полнотой. Показательным и ценным для изучения творчества Репина явилось сопоставление на выставке ряда важнейших для характеристики творчества Репина произведений, рассеянных раньше в государственных и, главным образом, частных собраниях, и потому в некоторой части полупозабывшихся. Особое место на выставке занимала картина Репина «Государственный Совет», по своему поразительному мастерству являющаяся единственной в мировом искусстве среди произведений такого рода. Сочетание на выставке этой картины с многочисленными этюдами к ней, принадлежащими Русскому Музею, уже явилось событием большого художественного значения.

Создалась своего рода традиция—подходить к Репину, лишь как к наиболее яркому и крупному представителю передвижничества.

На выставке с поразительной силой и яркостью выявился творческий облик художника со всеми его индивидуальными особенностями, во многом отличающийся от привычного представления о Репине. Установившиеся взгляды на Репина живописца, рисовальщика, на его офорты, литографии, на его технические приемы, на проблемы света, цвета, движения у Репина, несомненно, во многом подлежат теперь пересмотру. Колоссальная фигура самобытного русского мастера стала во весь рост.

Совершенно в иной, по сравнению с творчеством Репина, мир уводит выставка произведений Ф. С. Рокотова, загадочного, чарующего, изысканного художника XVIII века.

Свои работы Рокотов подписывал редко. В связи с этим и с крайней бедностью биографических данных Рокотову приписывалось и приписывается много произведений, совершенно различных по художественному достоинству, стилистическим и техническим приемам.

Единственный надежный путь к выяснению творчества Рокотова и выявлению подлинного его художественного наследия—возможно полное собрание воедино его произведений и произведений, ему приписываемых, непосредственное их сопоставление, всестороннее внимательное изучение их в отношении стилистическом и техническом, характера мазка, приемов грунтовки и подмалевки, свойств холста и т. д., и провикновенное восприятие внутреннего творческого напряжения и мироощущения художника.

Выставка Русского Музея была устроена почти одновременно с выставкой произведений Рокотова в Третьяковской галерее, где было собрано около 60 портретов, принадлежащих Рокотову или ему приписываемых. На выставке в Художественном Отделе Русского Музея представлено 80 портретов из собраний Художественного Отдела Музея, Фонтанного Дома б. Шереметевых, Академии Наук, Государственного Эрмитажа, Пушкинского Дома, Гатчинского, Павловского и Петергофского дворцов—музеев, Г. И. Гидони, Б. М. Еленского, О. П. Захарьиной, И. К. Крайтора, И. И. Рыбакова,—пополненных позже 14 портретами из Государственной Третьяковской галереи и Государственного Исторического Музея. Такое число работ Рокотова и приписываемых ему никогда и нигде еще не было представлено.

Основное непосредственное впечатление от выставки Рокотова—очарование его причудливым, капризным мастерством, пленительным изяществом, смелостью и блеском рокотовских красок, виртуозностью послушного мастеру мазка, утонченностью соотношений колористических задач и технических приемов, применяемых в строгой зависимости от внутреннего содержания создаваемого образа.

В Этнографическом Отделе II Отделением была устроена выставка украинских и румынских килимов, ковров, узор которых образуется цветными нитями утка. Выставка эта—исследовательского типа—имела целью не только показать разнообразие типов украинских килимов, но, главным образом, выяснить их связи между собою и с восточными коврами.

В общем Украину в отношении коврового искусства можно разделить на две части: восточную (Поднепровье и вся левобережная Украина), с ее иранской и среднеазиатской традициями, и западную, находящуюся в круге влияния Малой Азии. Заимствованные у восточного коврового искусства, украинские килимы получили на Украине самостоятельную разработку орнаментальной композиции и красочных сочетаний.

Не все существующие на Украине и в Румынии типы килимов представлены в собрании Этнографического Отдела, а, следовательно, и на выставке; но то, что было выставлено, вполне характеризовало основные группы и намечало их связи за пределами Украины.

Об интересе и значении выставки свидетельствует полученное, в связи с нею, из заграницы предложение издать коллекции украинских ковров Русского Музея.

Этнографический Отдел Русского Музея принимал участие в Международной выставке декоративных искусств в Париже.

Первоначально Этнографическому Отделу было предложено участвовать в выставке путем предоставления для нее части своих коллекций. Затем участие было расширено привлечением личного состава Отдела к непосредственному устройству на выставке коллекций Русского Музея, а потом и передачей в заведывание, командированного на выставку Хранителя Этнографического Отдела, А. А. Миллера всего Отдела национальных ансамблей и включением А. А. Миллера в число членов Комитета по устройству Отдела СССР на Парижской выставке. В помощь А. А. Миллеру был командирован научно-технический сотрудник Этнографического Отдела Я. П. Ульрих, которому, помимо обязанностей, возложенных на него Музеем, Комитетом Выставки было поручено непосредственное заведывание охранной службой в павильоне СССР и во всех прочих местах, где были размещены экспонаты СССР.

Задача, выпавшая на долю А. А. Миллера, оказалась весьма трудной. На выставку из различных местностей СССР был прислан огромный, но неравноценный материал. Особенно хороший по своему качеству материал был представлен из Украины, Азербайджана, Узбекистана. Но, например, совершенно не был прислан с мест материал великорусский, сибирских народностей, народов южного и северного Кавказа. Только коллекции Русского Музея дали возможность представить достаточно полную сравнительную картину произведений искусства народов СССР.

Здание павильона СССР, построенное как самостоятельное художественно-архитектурное задание, вызвало ряд затруднений в логическом расположении материала. Главное неудобство представляли стены, почти сплошь из стекла, которые, вследствие художественной обработки, нельзя было использовать как экспозиционную поверхность.

Русский Музей может быть вполне удовлетворен и тем вниманием, какое привлекали на выставке его коллекции, и тем отношением, которое было проявлено к работе Музея и его представителей, и, больше всего, тем обстоятельством, что до сего времени никогда за границей, даже на последней Берлинской выставке народного искусства, подлинное народное производство народов СССР не было представлено с такой полнотой сравниваемых образцов.

В январе 1925 г. Секцией Палеоэтнографии была устроена в помещении Географического Общества выставка палеоэтнографических материалов Экспедиции Общества, добытых раскопками П. К. Козлова и С. А. Теплоухова из курганов Ноин-Ула (Монголия).

Недостаточные средства, какие были предоставлены Этнографическому Отделу, не дали ему возможности в полной мере провести намеченную исследовательскую экспедиционную работу. Тем не менее Отдел, в значи-

тельной мере, благодаря содействию правительств союзных республик и автономных областей, а также местных организаций, осуществил значительное число экспедиций и командировок, давших ценный в научном отношении материал.

Отделение этнографии великорусов и финнов осуществило Лапландскую экспедицию в составе Д. А. Золотарева и А. Л. Колобаева, Южно-великорусскую — в составе Д. А. Золотарева, Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринковой, Н. А. Троицкой, работавших в Воронежской губ., и Ленинградскую в составе Д. А. Золотарева и прикомандированных для практических работ студентов Университета Е. Г. Либмана, Е. И. Преловой, А. И. Фофанской, Н. С. Розова и фотографа-любителя А. А. Беликова. Кроме того сотрудниками Отделения выполнены командировки: Д. А. Золотаревым — в Поволжье и Рязанскую губ., Н. П. Гринковой — в Калужскую губ., З. П. Малиновской — в Ярославскую и Орловскую, Л. Л. Капица — в Печорский край, П. П. Ефименко — в Харьковскую и Воронежскую губ. Выполнили поручения Отделения: А. А. Макаренко — в Мурманской губ., Г. Д. Рихтер и Е. И. Егоров у лопарей, А. Л. Колобаев — в Орловской губ.

По Отделению этнографии Украины, Белоруссии и зарубежных славян исследовательская экспедиционная работа велась в Подолии, где, под руководством Б. Г. Крыжановского, продолжалось систематическое изучение быта украинцев, молдаван и евреев. А. И. Зарембский работал в западной части Подолии, М. А. Фриде и Е. П. Данини — в восточной, А. М. Колаковская и А. Я. Дуисбург — в Молдаванской республике. А. К. Сержпутовский продолжал работы в Белоруссии.

По Отделению этнографии Кавказа и Туркестана А. А. Миллер, руководивший работами Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии Истории Материальной Культуры, имел поручение от Этнографического Отдела по изучению быта черкесов Адыгейской области и собиранию этнографических коллекций. Ф. А. Фиельструп был командирован в Семиреченскую область для сбора этнографических коллекций среди киргизов. А. Н. Самойлович находился в командировке в Константинополь и Малую Азию.

По Отделению Сибири и Дальнего Востока исследовательская и собирательская деятельность выразилась в организации Алтайской экспедиции, в которой, под руководством С. И. Руденко, приняли участие научные сотрудники: А. Н. Глухов, М. П. Грязнов, студенты Н. М. Сунцова и М. Н. Комарова, инструктор К. П. Ульрих. Е. Р. Шнейдер находился в командировке к минусинским туркам, Р. П. Митусова — к лесным самоодам Обско-Тазовского водораздела.

По Секции Палеоэтнографии С. А. Теплоухов производил палеоэтнографические исследования в Минусинском крае. Г. А. Бонч-Осмоловский вел раскопки в Крыму пещеры Киик-Коба и других стоянок каменного века. Е. Р. Шнейдером собраны новые данные о распространении каменных баб в Минусинском крае. М. П. Грязнов производил палеоэтнографические исследования, участвуя в Алтайской экспедиции С. И. Руденко. В. С. Адрианов

вершено истлели. Обычный способ обработки кож оказался непригодным для реставрации их. Местное население обрабатывает их следующим образом: свежеснятую шкуру мнут палками и натирают ее икрой той породы рыб, с которой снята кожа. Способ этот не мог быть применен из-за дороговизны и неимения подходящей икры. Было сделано несколько опытов, причем хороший результат дала эмульсия яичного желтка с миндальным маслом. Кожа губкой намачивалась водой, после чего с левой стороны втиралась эмульсия. Дав коже просохнуть, приступали к разминанию ее, но удавалось это очень плохо, так как кожа легко ломалась. Все же одежда из кож не шуршала более, и ее можно было легко складывать. Из-за дороговизны обработки было необходимо искать другой способ. Яичный желток был заменен мылом. Нарезанное маленькими кусочками мыло распускалось в воде, и к проваренной до густоты тягучей массе добавлялось миндальное масло. Намоченную губкой кожу натирали щеткой с левой стороны этой массой, стараясь втиранием приподнять засохший ворс изнанки. После просушки, кожу уже не разминали, а тупой стороной ножа осторожно разрыхляли ворс, как это делается при обработке птичьих шкурок. Способ этот был много дешевле, и пропитанная мылом кожа оказалась более плотной. Слишком жирная кожа промывалась спиртом. Наиболее прочной и удобной для обработки была кожа «амура», кета же была настолько нежна, что работа была необычайно трудна и наибольшее число испорченных одежд пало на кетовые.

При реставрации пергамента посчастливилось воспользоваться помощью Н. П. Лихачева, любезно предоставившего книжки Guareschi «La pergamena» и описание пожара Туринской библиотеки, где точно указана вся рецептура и постановка опытов. Там повреждения пергаментов были аналогичны нашим, так как большая часть спасенных рукописей пострадала более от воды, чем от огня.

Состояние наших пергаментов было много лучше большинства туринских, кроме того, здесь пришлось иметь дело большей частью лишь с единичными листами; имевшиеся две книги были с несклеенными листами, что очень облегчало работу. Поэтому совершенно не пришлось прибегать к влажной камере, которой Guareschi пользуется для размягчения и разъединения листов. Зато трудность реставрации наших пергаментов была в том, что почти все они были с миниатюрами, краски которых большей частью были сильно смыты и дали цветные затеки, и кроме того, покрывающий их слой грязи был очень густ и глубоко пропитал пергамент.

Испытав, ливают ли чернила, погружали лист в чистую теплую воду 25—30°, подержав несколько минут в воде и дав пергаменту намокнуть, его расправляли и, если грязь недостаточно отошла, погружали опять в чистую воду. Если же было большое количество миниатюр, то пергамент не опускался целиком в воду, но его осторожно промывали не задевая миниатюр, затем, чтобы придать пергаменту его прежнюю мягкость, клали в воду с 1⁰/₀ или 1¹/₂⁰/₀ раствором мыла, конечно, нейтрального.

Кроме раствора мыла был испробован еще 1⁰/₀ раствор уксусно-кислого калия, давший те же результаты, почему и был предпочтен более простой способ с мылом, которым исключительно в дальнейшем и пользовались.

Промыв и расправив в воде пергамент, дав ему немного просохнуть, его в полувлажном состоянии клали между двумя толстыми стеклами, покрытыми листами бибулы. Guareschi пользовался деревянными досками. За неимением под рукой подходящих по размеру досок, пришлось заменить их толстым стеклом. Листы не вполне гладкие, еще полусырыми заглаживали едва теплым утюгом через сухое полотно; поступая согласно этому способу и в нашей мастерской были получены хорошие результаты.

Для усиления чернил Guareschi советует брать слабый раствор танина или же серного амония. Тонкой кистью проводят танином по буквам, стараясь не задеть не записанное пространство. Эта предосторожность необходима лишь при работе с танином. В нашей мастерской был сделан лишь один опыт оживления чернил, так как оказалось, что хотя письмо и сильно побледнело, но было достаточно четко и лучше гармонировало с поблекшими миниатюрами.

К категории кож относится и китайский театр. Все фигуры и декорации его вырезаны из прозрачной кожи (предполагают, что это верблюжья кожа), покрытой цветными лаками. До наводнения театр хранился переложенным листами бумаги. Размокшие в воде фигурки прилипли к бумаге, которая плотной пленкой покрыла их и с трудом отходила. Пришлось фигурку за фигуркой осторожно смачивать и пальцем скатывать напишную с обеих сторон бумагу. Чтобы уничтожить получившийся тусклый вид предметов, пришлось их быстро протирать смоченной в чистом спирте ватой. При этом растворенный спиртом лак ложился более ровным слоем, и фигурки приобретали свой прежний вид. Работа, несложная сама по себе, требовала большой осторожности, так как некоторые головы, напр., состояли лишь из тонких контуров. После очистки, фигурки были пришиты нитками из оленьих жил к большим листам картона, покрытого пропарафиненным пергаментом.

VII.

Изложив произведенную работу по очистке предметов, необходимо остановиться на реставрации вещей. До сих пор в мастерской мало пришлось произвести чисто реставрационных работ, так как все время было поглощено более неотложной работой по очистке вещей.

Украинские килимы были починены следующим образом. Придерживаясь общих принципов Русского Музея, старались лишь закрепить грозившее разрушением место, подшивая полотно в больших дырах, и скрепляя лопнувшую основу в тех местах, где растрепавшийся уток указывал на утрату основы. Один ковер, состоявший из нескольких фрагментов, пришлось дублировать целиком, сохранив его нити основы, соединявшие отдельные фрагменты. Холсты употреблялись в большинстве случаев некра-

шенные, так как современная анилиновая окраска года через три-четыре линяет и производит неприятное впечатление. Цветными холстами пользовались лишь в тех случаях, когда в распоряжении мастерской были кустарные холсты, лежавшие уже много лет и заведомо нелиняющие ¹.

Кроме ковров, пришлось еще произвести большую работу по дублировке рыбьих кож. Многие одежды так пострадали, что без дублировки нельзя было обойтись, так как большие куски кожи совершенно истлели и выпали, между тем, как по орнаментации своей эти одежды представляли значительный интерес и их было желательно спасти. Некоторые предметы одежды целиком, другие частично были подклеены и подшиты. Для подшивки бралась простая хирургическая марля, окрашенная за неимением растительных красок, простыми анилиновыми красками в серовато-желтый цвет ².

К категории реставрации можно отнести и работу по восстановлению головных уборов, так как кроме чистки почти всем им пришлось придавать их прежнюю форму.

Большинство головных уборов—парчевые, шелковые и просто полотняные—было совершенно сплюснуто и покрыто густым слоем грязи. Трудность работы состояла в том, что проклеенные, большей частью, черной мукой, они не поддавались мытью, так как окончательно расклеивались. Пришлось прибегнуть к механической чистке тонкими щетками и влажными губками. Сняв снаружи и внутри налипшую грязь и осторожно размочив головной убор, приступали к приданию ему прежней формы утюгом через очень мокрую тряпку и в то же время к освежению ткани густым паром или же, поскольку это было возможно, смоченный головной убор натягивался на болванку и просушивался в таком виде; это удавалось лишь тогда, когда прокладка не была слишком толстой и затверделой, так как в этих случаях приходилось разбивать утюгом пологие и бугры для придания прежней формы. Придав форму, клали сушить уборы на железную решетку над плитой, чтобы сушка происходила одинаково, как внутри, так и снаружи.

Войлочные и фетровые шляпы мылись в тазах губкой или тонкой щеткой. Дав стечь воде, приступали к утюжке, так как форму можно придать только влажному фетру. Очень помятые шляпы приходилось аппретурить пшеничными отрубями.

Соломенные шляпы промывались в воде со щеткой и гладились через мокрое полотно. В случае, если солома была слишком измята, ее проклеивали гумми-трогагантом.

Труднее было с восстановлением венков из матерчатых и бумажных цветов. Щеточкой очищались цветки за цветком и расправлялся шипчи-

¹ Способ вставления недостающей основы, которым в Германии чинят ковры и гобелены, за недостатком времени не мог быть выполнен.

² Цвет этот довольно устойчивый. У нас существует образец такой марли, которая несмотря на постоянное употребление с 1910 г. не изменилась в цвете.

ками каждый лепесток и листик. Конечно, очень много пришлось подклеивать и подвигать и, отступая от строгих принципов, слегка подкрашивать цветы, так как иначе невозможно было бы добиться скольконибудь желательных результатов в смысле приближения их к прежнему состоянию.

VIII.

В период работы по ликвидации последствий наводнения была произведена также очистка тканей из раскопок экспедиции П. К. Козлова. Работа с этими тканями была особенно трудна не из-за ветхости их. Несмотря на свои 2000 лет, ткани очень хорошо сохранились и удивляют своей прочностью, но по тому состоянию, в котором они были доставлены (некоторые были в виде твердых, грязных комков). Вынутые при раскопках из жидкой тины, промытые на месте в ручье при температуре—5°, отжатые и просушенные между кострами, они имели следы подтеков, засохшего ила и ничем неисправимой измятости.

Затвердевшие комки газа опускались в большое количество кипяченой воды, где им давали размокнуть, и, когда они всплывали на поверхность, подводили под них толстое стекло, на котором уже и заканчивали дальнейшее промывание. Газ дезинфицировали чистым спиртом.

Одежда и шелковый ковер были промыты в кипяченой воде, потом разложены на столе и уже на столе бархатной губкой промыты яичным желтком, распушенным в теплой воде с несколькими каплями спирта. Затем они были прополоснуты и проглажены через влажное полотно. Прибегать к аппретуре не было найдено возможным, по причинам изложенным уже нами.

С остальными мелкими тканями поступали, как со всеми ценными шелковыми тканями, т. е. не опускали в воду, а на подстилках промывали яичным желтком и в дальнейшем поступали как было уже изложено выше, за исключением двух фрагментов, которые были прополоснуты в эфире.

К ВОПРОСУ ОБ ОЧИСТКЕ ТКАНЕЙ ИЗ РАСКОПОК
МОНГОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ П. К. КОЗЛОВА.

Расчистка и приведение археологических тканей в пригодное для изучения и экспозиции состояние принадлежит к самым трудным музейно-реставрационным вопросам. Этнографический Отдел, озабоченный усовершенствованием предстоящих еще работ его мастерских, обратился к Институту Археологической Технологии с просьбой дать свое заключение по произведенным работам над тканями из раскопок П. К. Козлова. К сожалению, Институт ограничился созывом заседания Совета с участием специалистов, который, не проделав предварительно необходимого обследования вопроса, естественно стал жертвой ряда недоразумений и в своих заключениях впал в ошибку. В протоколе были отмечены в очень резких выражениях недопустимые приемы обработки совершенно испортившие многие образцы: указывалось на недопустимость употребления воды, особенно горячей, мыла, утюга, причем было констатировано заглаживание прямо по предмету. Протокол был напечатан и выпущен отдельной брошюрой с приложением инструкции по извлечению тканей при раскопках.

В виду чрезвычайной важности вопроса и в то же время полного недоумения, вызываемого некоторыми пунктами протокола, у лиц принимавших участие в раскопках и имевших отношение к работам над тканями, Заведующим Этнографическим Отделом были потребованы объяснения от Н. В. Исаченко, производившей работы, и запрошено мнение С. А. Теплоухова, производившего раскопки, как совместно с П. К. Козловым, так и самостоятельно в составе той же экспедиции. Оба документа печатаются ниже. Они, как кажется, дают ответ на опубликованные Институтом обвинения.

Б. Крыжановский.

Заведующему Этнографическим Отделом.

В ответ на запрос Ваш в связи с протоколом заседания Института Археологической Технологии от 9 февраля с. г. по поводу реставрации монгольских тканей, произведенной мною в январе 1925 г., довожу до вашего сведения нижеследующее.

Чистка тканей производилась со всеми предосторожностями, необходимыми для археологических тканей, указанными в специальной немецкой

литературе, в которой определенно говорится о нежелательности применения других средств, кроме промывки водой. Анализ воды *argentum nitricum* производился, в связи с другими большими работами, несколько раз в течение зимы, и ни разу не было замечено присутствие хлора. Нарекание на порчу тканей промывкой водой кажется тем более странным, что речь идет о тканях, пролежавших столетия в воде и промытых в воде уже на месте раскопок.

Способ работы был следующий. Испробовав на теплую и горячую воду уголок ткани, чтобы определить линючесть, растизали ее на толстую подстилку, легко впитывающую влагу, и бархатной губкой промывали теплой, кипяченой водой, но отнюдь не горячей, как это указано в протоколе. Промывка производилась до тех пор, пока отжатая губкой вода не была совершенно чиста. Очень загрязненные ткани промывались яичным желтком, смешанным с несколькими каплями спирта и теплой водой, а затем уже чистой кипяченой водой продолжалась дальнейшая работа. Промыв таким способом ткань, ее перекладывали в сухие полотна и слегка отжимали ими воду; затем в том же горизонтальном положении просушивали ее и через мокрое полотенце проглаживали. Указание мастера Дамма, что глажение производилось прямо по ткани, так как в противном случае следы проложенной материи были бы видны, — неверно: только очень грубая прокладка дает свой отпечаток, что, конечно, недопустимо даже при самом простом глажении.

К глажению пришлось прибегнуть в виду большой спешки перед выставкой, так как недостаток времени не позволял прибегнуть к накалыванию тканей для разглаживания (но и этот способ в инструкции Института Археологической Технологии считается недопустимым). Указание на нежелательность утюга вполне верно, но вред его очень преувеличен. Не нужно быть специалистом, чтобы знать, что блеск утюга легко удаляется влажной губкой, что легко доказать на любом образце, указанном в протоколе. Деформация же механическим давлением более чем проблематична, так как для этого нужна необычайная сила; кроме того, шелковое волокно настолько гигроскопично, что малейшая влага придает ему его прежний вид.

Переходя к конкретному разбору перечисленных в протоколе тканей должна указать, что совместный обзор с С. А. Теплоуховым выяснил следующее.

1) Что №№ 13769, 13772, 14397, 13825, как шерстяные, не были мною промыты, а были лишь подштопаны в мастерской Художественного Отдела Русского Музея, где вообще не производится никакой чистки или промывки, и, таким образом, указание мастером Даммом на присутствие мыла и поредение ткани от стирки совершенно предвзято и ни на чем не основано.

2) Что сравнение тканей № 13824 и 14399 так же произвольно. Образец 14399 привезен из другого кургана из раскопок 1925 г., и непонятно, почему доказывается, что № 13824 был с ним одного цвета и

изменение его произошло от горячего утюга, в то время как однородные с № 13824 ткани с вышитыми грифонами своего цвета не изменили. Такое грубое изменение цвета не могло не броситься в глаза С. А. Теплоухову и его сотрудникам, что и может быть ими подтверждено. Кроме того, такое грубое изменение не могло не быть занесено в журнал работ.

3) Что в виду подозрительности и непрочности ткани № 13958 был взят испорченный лоскуток этой ткани для пробы, которая выяснила, что линючесть ткани настолько сильна, что требует целого ряда опытов, для определения чистки, а недостаток времени не позволяет этого, и поэтому дальнейшая работа не производилась, что и отмечено в журнале работ.

4) Что указание на грязный утюг в № 14117 ошибочно, так как при осмотре с С. А. Теплоуховым вполне выяснилось, что пятно явно органического происхождения.

5) Что в №№ 13769, 13823, 14113 блеск утюга, как уже было указано, легко удалить влажной губкой, и поэтому указание на порчу неверно.

6) Что ткань № 14396 не была привезена во время выставочных работ, как находящаяся в раскопках 1925 г., и помещение ее в список испорченных лучше всего доказывает предвзятость высказанных суждений.

Чтобы все выше изложенное мною не было голословно, прошу устроить арбитражную комиссию из специалистов с привлечением в нее мастера Дамма и с моей стороны Пеклие-Асмана, в присутствии которых проделан будет вышеизложенный способ работы.

Н. Исаченко.

По поводу журнала заседания Института Археологической Технологии от 9 февраля 1926 г.

Ознакомившись с журналом заседания Института Археологической Технологии от 9 февраля по вопросам реставрации и консервации монгольских тканей, присланном на имя Заведующего Этнографическим Отделом, считаю необходимым отметить следующее.

1) Все заседание было посвящено теоретической критике, главным образом реставрации, и отчасти приемам обращения с тканями при раскопках и, таким образом, носило чрезвычайно специфический характер.

2) Среди членов комиссии не было никого, кто бы видел реставрационный материал до реставрации, и поэтому комиссия не могла судить, насколько изменились вследствие реставрации очищенные ткани.

3) Эксперты комиссии не были, повидимому, осведомлены с условиями нахождения тканей в могилах, и этим только можно объяснить их некоторые заключения при обсуждении столь трудных вопросов, как о том: изменились ли краски, насколько они изменились, в какой момент, под влиянием каких реагентов. Кроме того, они не знакомы были и

с дневниками реставрации и с теми мерами, которые применялись при реставрации.

4) Профессор Монахов подтвердил очевидность разнообразия тканей, различное их происхождение и сложность технологического понимания, что стоит, повидимому, в некотором противоречии с мнением профессора Грибоедова, который считает яркий пурпуровый цвет одного куска основным для всех чищенных самых разнообразных тканей, но в то же самое время находит, что при современном состоянии тканей пигмента сохранилось настолько мало, что определить краски почти невозможно. Большая часть тканей носит, по его мнению, один сплошной рыжий тон.

5) Принимая во внимание большое разнообразие тканей, решение вопроса о том, когда исчезли краски в тканях и приобрели общий рыжий тон, является чрезвычайно трудным.

Прежде всего надо иметь в виду, что краски некоторых тканей могли измениться прежде, чем ткани попали в могилу, с чем не могут не согласиться и эксперты, указавшие, что краски в рассматриваемую эпоху были настолько непрочны, «что вода могла просто смывать краску, независимо даже от каких-либо солей и щелочей».

Затем, не надо забывать, что тысячу слишком лет тому назад могилы были разграблены, при чем многие ткани были разорваны грабителями, и большинство брошено было в кучах в разных частях двойных погребальных камер, что, конечно, не могло не оставить следов некоторого «воздействия» на ткани, помимо механического давления, которое производил многопудовый гроб и вся толща земли над погребением.

Необходимо принять во внимание, что если краски тканей могут измениться под влиянием промывки их хотя бы в воде из ленинградского водопровода, то тем более они могли потерпеть сильное изменение в самых могилах, пролежав около 2000 лет в жидкой грязи, где циркулировали воды с самыми разнообразными органическими и неорганическими реагентами. Физико-химический характер среды, в которой лежали ткани, был различен не только в разных камерах, но даже в разных углах одной и той же камеры в зависимости от близости того или иного реагента.

На основании всего вышеизложенного, сравнение отдельных кусков материи из разных мест камеры, и, что еще хуже, из разных могил, не может дать нам представления о том, когда произошло изменение окраски тканей.

6) Несмотря на все вышеизложенные соображения о трудности решения вопроса, когда изменились краски тканей, мастер Дамм отмечает, что ткани обесцвечены поразительно и, что произошло это, по его мнению, от стирки в воде, при чем допускает применение при чистке мыла.

7) Не могу согласиться с мнением Дамма и остальных экспертов, не видавших реставрированных тканей до их очистки, а также совершенно не представляющих условия их находки, что произведенная реставрация могла разрушить краску тканей настолько, чтобы это было не замечено.

8) Настолько теоретичны заключения комиссии, лучше всего иллюстрирует краткий перечень мер по извлечению древних тканей. Нет нужды подробно останавливаться на них, так как сам перечень лучше всего подчеркивает, что специалисты, написавшие его, не имеют никакого представления об условиях археологических раскопок.

С. Теплоухов.

1970 Н.

Цена 1 р. 25 к.